

ОБОСТРЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

18+

Стивен Марш

Обострение СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Автор»

2026

Марш С.

Обострение СПРАВЕДЛИВОСТИ / С. Марш — «Автор», 2026

Аркадий Рихтер оставил позади залы суда и грязные деньги, обретя покой в кругу семьи. Но прошлое не прощает. Загадочный Феникс угрожает его жене, сыну и другу. Вскоре выясняется: за маской скрывается Максим — сводный брат Рихтера, всю жизнь ненавидевший бросившего их отца и баловня судьбы Аркадия. Максим намерен стереть с лица земли всё, что тому дорого. Чтобы защитить стаю, бывшему «золотому адвокату» придётся вспомнить старые инстинкты. Но на этот раз ставка — не только жизнь близких, но и последний шанс на искупление. Волк против волка. Брат против брата. Юридический триллер о цене прощения и границах справедливости.

© Марш С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стивен Марш

Обострение СПРАВЕДЛИВОСТИ

Глава

ЛУЧШЕ ЗВОНИТЬ РИХТЕРУ

Обострение справедливости

Пролог

Справедливость — это слово, которое я терпеть не могу. Оно звучит так, будто существует некая высшая истина, доступная каждому, кто удосужится открыть Уголовный кодекс. Но я, Аркадий Рихтер, знаю: справедливость — это не истина. Это галлюцинация, которую продают оптом и в розницу наивным душам. И чем громче о ней кричат, тем меньше её остаётся в реальности.

Однако даже у меня бывают моменты, когда это мерзкое слово всплывает, как труп утопленника, и требует внимания. Именно так случилось, когда в мою размеренную жизнь ворвался человек, которого я про себя окрестил «Адвокатом с совестью». Он был полной моей противоположностью: нервный, дёрганный, с вечно испуганными глазами и маниакальной верой в то, что закон может быть справедливым. Его звали Даниил Горецкий, и он стал моим наказанием. Или спасением — это уж как посмотреть.

Я не люблю вспоминать эту историю. Она слишком личная, слишком грязная даже по моим меркам. Но именно она показала мне, что справедливость обострена, как лезвие бритвы: чуть надавишь — и порежешься сам. И те, кого ты считал овцами, иногда в самый неожиданный момент показывают волчьи клыки.

Вот что произошло, когда я ввязался в дело, которое не принесло мне ни копейки, но едва не стоило жизни всем, кого я любил. И виной тому был он — адвокат, совершивший роковую ошибку.

Глава 1. Адвокат, который боялся

Его первое появление в моём офисе больше напоминало визит к психотерапевту, чем деловую встречу. Даниил Горецкий вошёл, сутулясь, как человек, привыкший извиняться за само своё существование. Ему было около тридцати пяти, но выглядел он старше: мешки под глазами, седина на висках, мятый костюм, купленный явно не в «Бриони». Он нервно теребил верхнюю пуговицу пиджака — как выяснилось позже, это был его неизменный тик, проявлявшийся в минуты стресса.

— Аркадий Борисович, — начал он, запинаясь, — меня зовут Даниил Горецкий. Я адвокат по уголовным делам. Точнее, был им, пока... пока не случилось то, что случилось.

Он замолчал, будто ожидая, что я начну его расспрашивать. Но я не собирался. Терпение — один из главных инструментов адвоката. Я просто откинулся в кресле и ждал, когда он сам выложит всё.

— Я совершил ошибку, — выдохнул он наконец. — Три года назад я защищал парня, который обвинялся в убийстве, которого не совершал. Я был уверен в его невиновности. Но я допустил процессуальный промах: не заявил ходатайство об исключении недопустимого доказательства. Показания свидетеля, полученные под давлением, остались в деле. Моего клиента

осудили на двенадцать лет. А через полгода его убили в колонии. Зарезали в драке. И я... я с тех пор не могу войти в зал суда без того, чтобы не начать задыхаться.

Я внимательно разглядывал его. Клаустрофобия — догадался я. Суды, тюрьмы, замкнутые пространства, откуда нет выхода. Типичная травма. Его трясущиеся пальцы, бегающий взгляд, испарина на лбу — всё говорило о том, что передо мной человек, балансирующий на грани нервного срыва.

— Зачем вы пришли ко мне? — спросил я без особого интереса.

— Потому что вы — единственный, кто не задаёт лишних вопросов. Мне нужно... мне нужно снова начать практиковать. Я хочу взяться за одно дело. Небольшое. Но я не доверяю себе. Мне нужен кто-то, кто проконтролирует каждый мой шаг, кто не даст снова совершить ошибку. Я изучил вашу репутацию. Вы... вы никогда не ошибаетесь.

Я чуть не рассмеялся. «Никогда не ошибаюсь» — это звучало как комплимент, но я-то знал, что моя безошибочность была результатом тотального цинизма, а не добродетели.

— И что за дело?

— Женщина. Ольга Кравцова. Медсестра из Подмосковья. Её обвиняют в убийстве мужа, полицейского. Якобы она зарезала его ножом во время ссоры. Ей грозит до пятнадцати лет. Но я разговаривал с ней — она клянётся, что невиновна. Говорит, что мужа убили при ограблении, но следствие это проигнорировало. Улик почти нет, одни косвенные. Но прокурор нацелился на обвинительный приговор.

Я слушал и мысленно прикидывал. Никакой выгоды для себя я не видел: дело мутное, клиент нищий, перспективы туманны. Но что-то в этом несчастном адвокате вызывало у меня любопытство. Его страх, его вина, его маниакальное желание искупить прошлое — всё это делало его уязвимым. А уязвимые люди — это те самые овцы, которых можно использовать.

— Хорошо, — сказал я неожиданно для самого себя. — Я возьму вас под наблюдение. Но с условием: вы подписываете договор, по которому я получаю право вето на все ваши процессуальные решения. И полный доступ к материалам. Взамен я не беру с вас денег.

Он уставился на меня с недоверием, будто ожидал подвоха. Потом закивал, и его пальцы снова затеребили пуговицу.

— Спасибо, Аркадий Борисович! Я не подведу.

— Уже подвели, — отрезал я. — Поэтому слушайте меня и не спорьте. А теперь расскажите всё, что знаете о деле Кравцовой.

Горецкий вытащил из потрёпанного портфеля папку и начал выкладывать бумаги. И пока он говорил, я заметил ещё одну его странность: он постоянно дотрагивался до левого запястья, где, как я позже узнал, носил тонкий кожаный браслет — подарок того самого погибшего клиента. И ещё он пах лёгким запахом канифоли — Горецкий, оказывается, играл на скрипке, и это было его единственным утешением в бессонные ночи.

С этого момента наша странная коллаборация началась. Адвокат, который боялся судов, и адвокат, который презирал справедливость, объединились, чтобы защитить женщину, которая, как мне тогда казалось, была очередной овцой, попавшей в капкан системы. Но я ошибался. Эта женщина была волчицей. И она уже точила зубы.

Глава 2. Медсестра и её тайны

Свидание с Ольгой Кравцовой в СИЗО №6, что в подмосковных Мытищах, оставило у меня странное послевкусие. Женщина не производила впечатления ни убийцы, ни жертвы. Ей было около сорока, у неё было простое русское лицо, уставшие глаза, но в глубине их тлел какой-то холодный огонёк. Она говорила спокойно, почти монотонно, и ни разу не заплакала, рассказывая о гибели мужа.

— В тот вечер я вернулась с работы поздно, — говорила она, глядя не на нас, а куда-то в стену. — Дверь была открыта. В коридоре — следы крови. Сергей лежал на кухне, весь в крови. Нож валялся рядом. Я вызвала скорую, но было поздно.

— Почему вы не вызвали полицию сразу? — резко спросил Горецкий. Он сидел рядом со мной, и его колено нервно дёргалось.

— Я была в шоке. Я сначала позвонила в скорую, а потом уже в полицию. Но они всё равно приехали вместе.

Я перелистывал материалы дела. Протокол осмотра места происшествия был составлен с нарушениями: понятые — сотрудники отдела, где служил убитый, что уже давало повод для оспаривания. Орудие убийства — кухонный нож — было обнаружено без перчаток, смазанные отпечатки. Алиби Кравцовой подтверждалось лишь показаниями её коллеги-медсестры, которая, как выяснилось, была близкой подругой. Слишком много грязи для обвинения и слишком мало — для защиты.

— Ольга, — я включил свой самый вкрадчивый голос, — вы должны рассказать нам всё. У вашего мужа были враги? Долги? Любовницы?

Она впервые посмотрела мне в глаза. И я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Сергей был не простым полицейским. Он работал в отделе по борьбе с экономическими преступлениями. За месяц до смерти он сказал мне, что нарыл что-то крупное. Что-то связанное с контрабандой лекарств. Он боялся. Просил меня уехать на время. Но я не успела...

Горецкий взволнованно заёрзал.

— Почему вы не сказали это следователю?!

— Потому что мне не поверили бы. Сергей говорил, что в его отделе есть крот. Что кто-то сливает информацию. Я боюсь, Аркадий Борисович. Очень боюсь.

Страх в её голосе звучал искренне. Но я слишком хорошо знал, как легко симулировать искренность. Я отложил папку.

— Даниил, завтра у нас предварительное слушание. Готовьте ходатайство об исключении протокола осмотра места происшествия. Понятые — заинтересованные лица. Это наша первая линия атаки. А я пока наведу справки о контрабанде лекарств.

Когда мы вышли из СИЗО, Горецкий вдруг остановился и судорожно вдохнул, схватившись за ворот рубашки. Его лицо побелело.

— Что с вами? — Я не скрывал раздражения.

— Ничего... Просто... это здание. Эти решётки. Я вспомнил своего клиента. Того самого, которого... — он осёкся. — Я не могу дышать, когда вижу камеры.

Я схватил его за плечо и сильно встряхнул.

— Послушайте меня, Горецкий. Если вы собираетесь падать в обморок каждый раз, когда проходите через КПП, то вы никогда не выйдете в суд. Возьмите себя в руки. Ваш клиент мёртв, и вы ему не поможете. Но Кравцова ещё жива. И если вы хотите искупить свою вину, начните дышать ровно и работать.

Он посмотрел на меня с такой смесью ненависти и благодарности, что я чуть не рассмеялся. Потом он выпрямился и молча пошёл к машине. Я заметил, как его рука снова потянулась к левому запястью — он коснулся браслета, словно искал в нём силу.

В этот момент я ещё не знал, что в самое ближайшее время мне самому понадобится эта сила. Потому что опасность, о которой предупреждала Кравцова, была реальной. И она уже приближалась.

Глава 3. Предварительное слушание

Зал суда был пропитан запахом казённого линолеума и человеческого страха. Горецкий сидел рядом со мной за столом защиты, бледный как смерть, но держался. Кравцова находилась в клетке, и я заметил, как её пальцы нервно сжимают решётку.

Прокурор, молодая женщина с фамилией Саблина, выглядела уверенной и агрессивной. Она явно готовилась к бою. Я наклонился к Горецкому.

— Помните: говорите чётко, без эмоций. Вы просите исключить доказательство. Ваш козырь — заинтересованные понятия. Не позволяйте ей перевести разговор в другое русло.

Он кивнул и встал, когда судья предоставил ему слово.

— Ваша честь, сторона защиты ходатайствует об исключении протокола осмотра места происшествия из числа допустимых доказательств. Согласно части 1 статьи 60 УПК РФ, понятыми не могут быть лица, заинтересованные в исходе дела. В протоколе указаны двое понятых — лейтенант Васин и сержант Круглов, которые являются сотрудниками того же отдела полиции, где служил потерпевший. Более того, они находились в прямом подчинении у потерпевшего, что свидетельствует об их личной заинтересованности в обвинительном уклоне следствия.

Саблина вскочила:

— Протестую! Понятые лишь удостоверяли факт осмотра. Никакой заинтересованности следствием не установлено.

— Следствие и не пыталось её установить, — парировал я, поднимаясь. — Ваша честь, защита настаивает на том, что осмотр места происшествия был произведён с грубейшими процессуальными нарушениями, и все доказательства, полученные в ходе этого осмотра, включая отпечатки на орудии преступления, должны быть признаны недопустимыми.

Судья, пожилой мужчина с уставшим лицом, долго листал дело, а потом объявил:

— Ходатайство защиты удовлетворить. Протокол осмотра места происшествия исключается из доказательственной базы.

Горецкий выдохнул. Я видел, как его плечи распрямились, а на лбу выступила испарина. Для него это была маленькая победа, возвращение к жизни. Но я знал: главное сражение впереди.

После заседания, когда мы вышли на улицу, я заметил, что за нами наблюдают. Чёрный внедорожник с тонированными стёклами припарковался у здания суда. Я сделал вид, что не заметил, но внутри включился сигнал тревоги.

— Даниил, поезжайте домой и никуда не выходите. Я позвоню.

— Что-то случилось?

— Пока не знаю. Просто делайте, что я говорю.

Он уехал, а я подозвал Леху, который ждал в «Аурусе». Тот сразу уловил моё настроение.

— Хвост?

— Возможно. Проверь внедорожник. И узнай, кто такой Сергей Кравцов, покойный муж нашей клиентки. Меня интересует, что он копал и кому перешёл дорогу.

Леха кивнул и растворился в сумерках. Я закурил, хотя обычно не курил на улице. Воздух был влажным и тяжёлым, как перед грозой. И я понял, что эта гроза придёт быстрее, чем я рассчитывал.

На следующее утро мне позвонил Петрович. Его голос был взволнован, что бывало редко.

— Аркадий Борисович, по контрабанде лекарств — это серьёзно. Я нарыл данные: Кравцов перед смертью вёл дело о поставках фальсифицированных медикаментов через сеть аптек. В этой сети замешаны серьёзные люди из Минздрава и одна частная охранная фирма, связанная с бывшими силовиками. Его убрали. И теперь они убивают всех, кто копает.

— Отлично. Значит, мы на верном пути. Продолжай копать. И ещё: пробей чёрный внедорожник, который пасёт суд.

— Уже. Машина зарегистрирована на подставное лицо, но GPS-трекер ведёт к офису компании «МедФармГрупп». Это как раз та фирма, по которой работал Кравцов.

Вот и всё. Пазл начал складываться. Теперь я знал, кто враг. Оставалось только понять, как его нейтрализовать, не подставив при этом ни себя, ни Горецкого, ни клиентку. И да поможет мне мой цинизм.

Глава 4. Крот в мантии

После предварительного слушания я не спал почти сутки. Информация, добытая Петровичем, рисовала картину, от которой даже у меня — человека, повидавшего дно правосудия, — холодели пальцы. «МедФармГрупп» была не просто фирмой по импорту лекарств. Это был спрут, щупальца которого проникали в Минздрав, Росздравнадзор, таможню и даже в аппарат уполномоченного по правам человека. Через подставные компании они ввозили в страну просроченные препараты, перебивали даты, разбавляли дорогие лекарства физраствором и продавали в государственные больницы по полной стоимости. На этом зарабатывались сотни миллионов, а умирали — тысячи. Сергей Кравцов, муж нашей клиентки, был не просто полицейским. Он был единственным, кто в своём отделе осмелился копать в этом направлении. И он погиб. Теперь его жену пытались посадить за убийство, которого она не совершала, чтобы навсегда похоронить правду.

Горецкий сидел в моём кабинете, сжимая в руках чашку с остывшим кофе. Его пальцы теребили злополучный браслет.

— Это же заговор, — прошептал он. — Настоящий заговор. Мы не справимся.

— Справимся, — отрезал я, хотя уверенности не чувствовал. — Но нам нужно оружие. Документы, свидетели, записи. У нас есть преимущество: они не знают, что мы знаем. Пока не знают.

— А что, если они уже знают? — он указал дрожащим пальцем на окно. — Та машина, чёрный внедорожник... она снова там.

Я выглянул в окно. Действительно, у подъезда моего офиса на Таганке стоял тот самый автомобиль. Наружка. Значит, они вели нас с самого суда. Или с СИЗО. Или даже раньше. Я выругался про себя.

— Даниил, слушайте меня внимательно. Вы сейчас выйдете через чёрный ход, сядете в такси и поедете ко мне на рублёвский особняк. Там моя жена и дочь. Вы будете охранять их.

— Я?! — он вскочил. — Я не телохранитель, я адвокат! Я даже пистолет в руках не держал!

— Вы адвокат, который боится судов, — жёстко ответил я. — Хотите искупить вину перед погибшим клиентом? Докажите, что можете быть полезным не только в зале заседаний. Моя семья — это всё, что у меня есть. Если с ними что-то случится, я уничтожу каждого, кто к этому причастен. А вы помогите мне сохранить рассудок, просто оставаясь рядом с ними. Поняли?

Он замер. Я видел, как внутри него борется страх с чем-то похожим на решимость. Наконец он медленно кивнул, и я заметил, как его рука снова коснулась браслета. На этот раз жест выглядел не как мольба, а как клятва.

— Хорошо. Но у меня одно условие: если что-то пойдёт не так, вы не будете меня винить. Я не герой, Аркадий Борисович. Я просто человек, который однажды уже подвёл того, кто ему доверился.

— Люди ошибаются, — сказал я, и сам удивился, что произнёс это почти искренне. — Важно, что вы делаете после.

Он ушёл через чёрный ход, а я позвонил Лехе. Через пятнадцать минут внедорожник исчез, а ещё через час Леха доложил, что его задержали за нарушение правил парковки — старая уловка, которую мы использовали, когда нужно было на время убрать хвост. Я усмехнулся: даже в серьёзной игре мелкие трюки приносили пользу.

Тем временем Петрович продолжал копать. К утру у меня на столе лежало досье на главу «МедФармГрупп» — некоего Алексея Холмогорова, бывшего полковника медицинской службы, уволенного в запас при загадочных обстоятельствах. Он был связан с десятком чиновников, имел недвижимость в Швейцарии и привычку обедать в закрытом клубе «Эскулап», где собирались сильные мира сего от медицины. Туда-то я и решил проникнуть.

Вечером, облачившись в дорогой костюм и вооружившись фальшивым удостоверением советника Минздрава (спасибо Петровичу и его таланту подделывать документы), я переступил порог «Эскулапа». Клуб располагался в старинном особняке на Остоженке, и внутри пахло дорогим деревом, кожаными креслами и безнаказанностью. Холмогоров сидел в углу за столиком с двумя мужчинами, в одном из которых я узнал заместителя начальника следственного департамента МВД — человека, который курировал дело Кравцовой. Вот так удача.

Я сел неподалёку, заказал виски и сделал вид, что изучаю бумаги. На самом деле я слушал. Холмогоров говорил негромко, но отдельные фразы долетали до меня: «...Кравцова надо было убрать тихо... а теперь этот адвокат, Рихтер, суёт нос...», «...судью мы не контролируем, но прокурора подмазали...», «...если журналисты пронюхают, нам конец...».

Этого было достаточно. Я достал телефон и, сделав вид, что отвечаю на звонок, записал разговор на диктофон. Затем быстро допил виски и покинул клуб. В машине меня ждал Леа.

— У нас гости, — мрачно сказал он, кивая на зеркало заднего вида. — Две машины. Ведут от самого клуба.

— Отрывайся, — приказал я и пристегнулся.

Следующие двадцать минут мы петляли по ночной Москве, уходя от погони. Леа был виртуозом: он знал каждый проходной двор, каждый подземный паркинг. Когда хвост наконец отстал, я выдохнул и позвонил Петровичу.

— Срочно пришли мне адреса всех конспиративных квартир. И приготовь мою семью к эвакуации. Кажется, начинается война.

Глава 5. Перекрёстный допрос

Несмотря на угрозы, процесс продолжался. Я не собирался сворачивать дело только потому, что какие-то бандиты в погонах хотели меня запугать. Наоборот, теперь у меня была мотивация, какой не было давно: не просто спасти клиентку, но и разнести эту гнилую систему в щепки. И главным оружием должен был стать перекрёстный допрос свидетеля обвинения — того самого коллеги Кравцова, лейтенанта Васина, который был понятым при осмотре и дал показания против Ольги.

Я готовил Горецкого к этому допросу три дня. Мы репетировали в моём кабинете до хрипоты. Я играл роль свидетеля, изворачиваясь, как настоящий преступник, а Даниил должен был ловить меня на противоречиях.

— Помните, — наставлял я, — ваша задача не просто запутать его. Вы должны заставить суд увидеть его истинное лицо. Он не просто лжец, он соучастник убийства. Вы должны давить на него логикой и эмоциями одновременно. И не бойтесь пауз — тишина в зале суда иногда говорит громче крика.

В день заседания зал был забит. Я сидел рядом с Горецким, готовый в любой момент прийти на помощь, но знал, что он должен справиться сам. Кравцова наблюдала из клетки с напряжённым лицом. Прокурор Саблина выглядела самоуверенно, но я заметил, как она нервно поправила причёску, когда вызывали свидетеля.

Лейтенант Васин, молодой мужчина с бегающими глазками и потными ладонями, занял место за трибуной. Он принёс присягу и приготовился к допросу. Саблина задала несколько стандартных вопросов, укрепляя его показания: да, он был понятым, да, видел нож, да, слышал, как Кравцова кричала на мужа за день до убийства. Затем настала очередь Горецкого.

Даниил поднялся, и я увидел, как его рука машинально коснулась браслета. Потом он отдернул её, выпрямился и подошёл к свидетелю. Его голос звучал ровно, но я знал, чего ему это стоило.

— Лейтенант Васин, вы утверждаете, что были понятым при осмотре места происшествия. Это зафиксировано в протоколе, который суд, кстати, уже признал недопустимым доказательством. Но я хочу спросить о другом. В день убийства вы находились на дежурстве?

— Да.

— И в котором часу вы прибыли на место преступления?

— Около десяти вечера. Мне позвонил дежурный и сказал, что поступил вызов.

— Однако журнал регистрации выездов, который мы запросили, показывает, что ваш экипаж выехал только в одиннадцать. Почему такая задержка?

Васин замялся.

— Я... не помню точно. Может быть, мы были на другом вызове.

— Может быть? — Горецкий повысил голос. — Или, может быть, вы ждали, пока кто-то закончит подчищать улики? Потому что, согласно тому же журналу, за час до вашего прибытия на место происшествия туда приезжал другой экипаж, в составе которого был оперуполномоченный Холмогоров — однофамилец известного вам бизнесмена, не так ли?

В зале пронёсся шум. Саблина вскочила:

— Протестую! Защита вводит в заблуждение! Свидетель не обязан комментировать домыслы!

— Это не домыслы, — спокойно ответил Горецкий, — а вопрос, основанный на документах, которые мы готовы представить. Я повторяю: лейтенант, вы знали, что в доме Кравцовых до вас побывали посторонние?

Васин покраснел и начал заикаться. Он явно не ожидал такого поворота. Я видел, как его глаза мечутся между прокурором и судьёй.

— Я... я выполнял приказ, — выдавил он наконец.

— Чей приказ? — мгновенно среагировал Горецкий, делая шаг вперёд. — Приказ оперуполномоченного Холмогорова? Или, может быть, кого-то выше? Вы понимаете, что соучастие в фальсификации доказательств — это уголовное преступление? И что ваша карьера, ваша свобода сейчас висят на волоске?

Лейтенант разрыдался. Прямо на трибуне, как ребёнок, которого поймали на лжи. Он закрыл лицо руками и пробормотал:

— Мне сказали, что так надо... Что Кравцов сам виноват... Что если я не подпишу, меня уволят...

Судья был вынужден объявить перерыв. Горецкий вернулся ко мне, бледный, но с горящими глазами.

— Я сделал это, — прошептал он. — Я вывел его на чистую воду.

— Поздравляю, — я пожал ему руку. — Но это только начало. Теперь у нас есть основания требовать переквалификации дела и привлечения к ответственности настоящих преступников.

Но я понимал, что до финала ещё далеко. Холмогоров и его покровители не сидели сложа руки. И судя по тому, что после заседания меня ждал конверт с фотографией Елены, выходящей из подъезда, они готовились нанести ответный удар.

Глава 6. Тени на Рублёвке

Фотография жгла мне руки. Я немедленно позвонил Лехе, который находился в особняке вместе с Горецким и усиленной охраной. Трубку взял Даниил.

— Аркадий Борисович, у нас всё спокойно. Елена и Алиса в гостиной, смотрят кино. Охрана на месте. Но...

— Что «но»? — мой голос прозвучал резче, чем я хотел.

— Час назад почтальон принёс посылку. Внутри — конверт без обратного адреса. Я не стал его открывать, ждал вас.

— Откройте. Включите громкую связь.

Я слышал, как он разрывает бумагу. Затем — его прерывистый вдох.

— Здесь... здесь фотографии. Ваш дом, ворота, окна спальни. И записка: «Следующая пуля — настоящая».

Меня захлестнула ярость. Они угрожали моей семье. Той самой, ради которой я построил эту империю, прошёл через Вязники, через голод, через унижения. Я закрыл глаза и досчитал до десяти. Эмоции — плохой советчик.

— Даниил, слушайте меня внимательно. Вы сейчас же отправляете Елену и Алису в аэропорт. Леа организует частный борт в Женеву — у меня там есть шале, зарегистрированное на подставное лицо. Вы летите с ними. Я остаюсь здесь и заканчиваю дело.

— Но суд...

— Суд подождёт. Завтра у нас нет заседаний. А послезавтра вы вернётесь и продолжите. Но сейчас главное — безопасность. Вы обещали мне защищать мою семью. Выполняйте.

Он замолчал, потом произнёс глухо:

— Я не подведу. Клянусь.

Я повесил трубку и уставился в окно. Где-то там, в лабиринтах Москвы, Холмогоров праздновал свою маленькую победу, думая, что запугал меня. Он не знал, что я уже не просто адвокат, защищающий клиента. Я стал лично заинтересованным лицом. А когда волк защищает свою стаю, он не останавливается ни перед чем.

Ночью я связался с Петровичем и отдал приказ, от которого у любого нормального человека волосы встали бы дыбом:

— Собери всё, что у нас есть на Холмогорова, на его связи в Минздраве, на взятки, на контрабанду. Упакуй в анонимный файл и отправь в ФСБ, в Следственный комитет и лично Соболеву. Пусть они решают, что с этим делать. Но добавь туда одну деталь: если с моей семьёй что-то случится, через час после этого компромат уйдёт во все мировые СМИ автоматически. Таймер уже запущен.

— Будет сделано, — ответил Петрович. — Но, Аркадий Борисович, это война. Вы уверены?

— Я никогда не был так уверен, Петрович. Справедливость, которой я так долго избегал, наконец настигла меня. И она требует крови.

Я налил себе коньяка и выпил залпом. Вспомнилась фраза, которую я часто повторял клиентам: «Лучше заводить друзей, а не врагов». Я нарушил собственное правило. У меня появился враг, который угрожал моей семье. И теперь либо он, либо я. Третьего не дано.

Глава 7. Женевский рубеж

Самолёт с Еленой, Алисой и Горецким вылетел в Женеву ранним утром. Я провожал их в аэропорту, стараясь не показывать тревоги. Елена, с заметно округлившимся животом, прижималась ко мне, а Алиса, повзрослевшая и серьёзная, смотрела с немым вопросом. Она уже понимала: папа снова ввязался в опасную игру.

— Почему мы улетаем, а ты остаёшься? — спросила она, когда мы отошли в сторону.

— Потому что я — волк, — тихо ответил я. — Волк не прячется, он нападает. Но вы — моя стая, и я должен знать, что вы в безопасности. Обещай мне, что будешь слушаться Даниила. Он хороший человек.

— Хороший? — она удивлённо приподняла бровь. — Ты никогда не говорил так о людях.

— Значит, он действительно особенный. Иди.

Я обнял её, поцеловал жену и проводил взглядом, пока они не скрылись в зоне досмотра. Горецкий на мгновение обернулся, встретился со мной глазами и коротко кивнул. В его жесте читалась клятва. Я поверил ему. Впервые за долгое время я поверил человеку.

Вернувшись в Москву, я немедленно погрузился в подготовку к следующему заседанию. Петрович прислал мне расшифровку разговоров Холмогорова, добытую через прослушку его офиса. Там было всё: обсуждение схем с контрабандой, упоминания взяток конкретным чиновникам, даже план фабрикаций улик против Кравцовой. Это была бомба. Но использовать её напрямую я не мог — данные получены незаконно. Значит, требовалось легализовать информацию.

Я встретился с журналистом, тем самым, что помог мне в деле Драгана. Мы сидели в закрытой переговорной, и я выложил перед ним папку.

— Здесь всё. Контрабанда лекарств, взятки, убийство полицейского. Но я не могу опубликовать это сам — это уничтожит мою линию защиты. Вы же можете. Опубликуйте расследование. Сделайте так, чтобы официальные органы были вынуждены начать проверку. Тогда я смогу приобщить эти материалы к делу через судебный запрос.

Журналист, наученный горьким опытом, колебался.

— Это опасная игра, Аркадий Борисович. Эти люди не остановятся ни перед чем.

— Я знаю. Но если мы не остановим их, они продолжат убивать. У меня свои счёты, у вас — свои профессиональные принципы. Или вы боитесь?

Он усмехнулся и взял папку. Через два дня статья вышла на первой полосе. Скандал разразился мгновенно: Минздрав трясло, Следственный комитет возбудил уголовное дело по факту контрабанды, а Холмогорова вызвали на допрос. Моя маленькая война набирала обороты.

Тем временем в суде мы продолжали защиту. Горецкий вернулся из Женевы, оставив мою семью под присмотром надёжных людей, которых я нанял через женеvских партнёров. Он выглядел измождённым, но в его глазах горел тот самый огонь, который я заметил после допроса Васина. Страх никуда не делся, но теперь он был под контролем.

Следующим свидетелем обвинения была подруга Кравцовой — медсестра, которая якобы подтверждала алиби. Но её показания развалились, едва Горецкий начал перекрёстный допрос.

— Вы утверждаете, что Ольга Кравцова провела с вами весь вечер в день убийства, — говорил он, сверяясь с записями. — Но камеры видеонаблюдения в больнице зафиксировали, что вы покинули рабочее место на два часа раньше и вернулись только поздно ночью. Где вы были в это время?

Свидетельница запнулась. Прокурор Саблина попыталась вмешаться, но судья отклонил её протест.

— Я... я отлучалась по личным делам, — пробормотала она.

— По личным делам, — повторил Горецкий, и я услышал в его голосе стальные нотки, которых раньше не было. — А не потому ли, что следователь, ведущий дело, попросил вас дать ложные показания в обмен на освобождение вашего брата, задержанного за хранение наркотиков? У меня есть копия постановления о прекращении дела вашего брата, подписанного в тот же день, когда вы дали первые показания. Совпадение?

Зал ахнул. Свидетельница разрыдалась и призналась, что оговорила подругу под давлением. Саблина побледнела. Судья объявил перерыв, и я понял: дело Кравцовой трещит по швам. Но это означало, что Холмогоров и его покровители загнаны в угол. А загнанный зверь опаснее всего.

Глава 8. Удар по штабу

Скандал в прессе и крах свидетелей обвинения вынудили прокурора Саблину пойти на беспрецедентный шаг. Она подала ходатайство о дополнительном расследовании, ссылаясь на «вновь открывшиеся обстоятельства». По сути, это означало признание слабости обвинения. Но я знал, что это лишь передышка. Холмогоров не сдастся.

И действительно, через день после публикации статьи в мой офис ворвались люди в масках. Они предъявили ордер на обыск, подписанный судьёй, которого я никогда не видел. Я сразу понял: это подстава. Пока одни оперативники переворачивали ящики, другие явно искали что-то конкретное. Я стоял у окна, не вмешиваясь, но фиксируя каждую деталь.

— Нашли! — крикнул один из них, поднимая пакетик с белым порошком. — Наркотическое вещество!

Я не моргнул.

— Поздравляю, господа. Очередная подброшенная дурь. Но боюсь, вас ждёт разочарование: мой офис оборудован камерами с прямой трансляцией на независимый сервер. Все ваши действия записаны. И пакетик, который вы только что «нашли», был извлечён из кармана вашего же сотрудника. Я подам встречный иск о фальсификации доказательств и превышении полномочий.

Оперативники переглянулись. Старший попытался что-то возразить, но я уже звонил своему IT-специалисту.

— Петрович, высылай запись сегодняшнего дня. Пусть Следственный комитет ознакомится.

Через час вся команда ретировалась, а я понял: Холмогоров начал действовать отчаянно. Обыск с подбросом наркотиков был классической схемой, которую я проходил ещё в ранние годы практики. Но за ней стояло нечто большее — попытка нейтрализовать меня любой ценой.

Вечером я созвонился с Горецким, который готовился к следующему заседанию в своей съёмной квартире.

— Они пытались меня подставить, — сообщил я. — Но у них не вышло. Теперь их следующий ход — вы. Будьте осторожны.

— Я уже привык к опасности, — ответил он. — Знаете, когда я сидел в самолёте с вашей семьёй, я много думал. О том, что страх — это не слабость. Это инстинкт, который помогает выжить. Но нельзя позволять ему управлять собой. Я больше не позволю.

— Рад слышать. Но не теряйте бдительности. Холмогоров — хищник. А хищники не прощают ранений.

Ночь прошла тревожно. Я спал урывками, просыпаясь от каждого шороха. Под утро мне позвонила Алиса из Женевы.

— Папа, у нас всё хорошо. Даниил сказал, что ты справляешься. Я горжусь тобой.

В горле перехватило. Я, циник и манипулятор, почувствовал что-то похожее на нежность.

— Спасибо, дочка. Скоро всё закончится. Обещаю.

Я отключился и впервые за долгие годы подумал: а что, если справедливость — это не пустое слово? Что, если она существует не только для богатых и сильных, но и для тех, кто готов за неё бороться? Я отогнал эту мысль как опасную ересь, но она засела занозой.

Глава 9. Схватка в коридорах власти

После публикации компромата в прессе и возбуждения уголовного дела против Холмогорова я ожидал, что его покровители начнут замечать следы. Так и случилось. Но я недооценил их наглость. Через моего старого союзника, генерала Кольцова, мне передали приглашение на «неформальную встречу» в закрытом клубе на Лубянке. Идти туда было равносильно самоубийству, но отказаться — значило проявить слабость.

Я пришёл с одним Лехой, оставив охрану снаружи. В прокуренном зале меня ждали трое: Холмогоров, его адвокат — лощёный тип с глазами акулы, и человек, которого я опознал по фотографиям: заместитель министра здравоохранения Игорь Северин.

— Аркадий Борисович, присаживайтесь, — процедил Холмогоров. — Разговор будет коротким. Вы прекращаете защиту Кравцовой, забираете своё заявление и забываете о контрабанде. Взамен мы гарантируем безопасность вашей семьи и снятие всех подозрений с вашей клиентки. Она получит условный срок, вы — сохранение лица. Все довольны.

— А если я откажусь? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Тогда мы будем действовать иначе, — вмешался Северин, поправляя галстук. — У нас есть связи, о которых вы даже не догадываетесь. Ваш женеvский банк? Мы можем его заморозить. Ваша дочь? Её виза может быть аннулирована. Ваша репутация? Мы сольём информацию о ваших махинациях в Гааге. Вы станете изгоем.

Я слушал и чувствовал, как внутри поднимается холодная ярость. Они угрожали моей семье уже в третий раз. И каждый раз думали, что я испугаюсь. Но они не понимали: я не боюсь. Я — сам страх.

— Господа, — произнёс я, поднимаясь, — вы забыли одну вещь. Я начал эту войну не ради справедливости. Я начал её, потому что вы перешли черту. Вы угрожали моей жене и дочери. А теперь слушайте внимательно: если хоть один волос упадёт с их головы, я обрушу на вас такой компромат, что вы будете молить о тюрьме как о спасении. У меня есть записи ваших разговоров, финансовые документы, показания свидетелей. И они будут опубликованы, даже если я умру. Автоматически. Так что думайте.

Я развернулся и пошёл к выходу. Холмогоров что-то крикнул вслед, но я не слушал. У дверей меня перехватил его адвокат.

— Рихтер, вы совершаете ошибку, — прошептал он. — Холмогоров не прощает. Вы не знаете, на что он способен.

— А вы не знаете, на что способен я, — ответил я и покинул клуб.

В машине Леха молча вез меня домой, а я думал о том, что игра стала слишком опасной. Но отступать было некуда. Я сам загнал себя в угол, и теперь оставалось только драться.

Глава 10. Последний свидетель

Суд возобновился через неделю после памятной встречи. За это время многое изменилось: Холмогоров был арестован по обвинению в организации убийства Кравцова — благодаря показаниям, которые дали запуганные свидетели, и документам, предоставленным журналистом. Северина отстранили от должности. А Кравцова наконец поверила, что правосудие возможно.

Но главный сюрприз ждал меня в зале суда. Когда обвинение, ослабленное разоблачениями, попыталось вызвать последнего свидетеля — некоего эксперта-криминалиста, — Горецкий встал и заявил:

— Ваша честь, у защиты есть свидетель, который готов дать показания немедленно. Это бывший сотрудник «МедФармГрупп», который согласился сотрудничать со следствием.

В зал ввели пожилого мужчину с усталым лицом. Он представился как Игорь Миронов, бывший главный бухгалтер компании. И он рассказал всё: как подделывались документы, как давались взятки, как убрали Кравцова, когда он подошёл слишком близко. И главное — он подтвердил, что Ольга Кравцова не имела к убийству никакого отношения.

Я смотрел на Горецкого, и в моей груди шевельнулось давно забытое чувство. Гордость? Нет. Скорее, удивление. Этот нервный, заикающийся адвокат, который боялся даже войти в здание суда, только что выиграл дело. Не я. Он.

После заседания, когда присяжные удалились для вынесения вердикта, я подошёл к нему.

— Как вам удалось найти Миронова?

Горецкий смущённо улыбнулся.

— Он сам вышел на меня. Сказал, что вы — страшный человек, но справедливый. И что он хочет искупить вину. Я просто... просто поверил ему.

— Вы поверили? — я недоверчиво покачал головой. — И не побоялись, что это ловушка?

— Боялся. Очень. Но я вспомнил ваши слова: «Лучше заводить друзей, а не врагов». И решил, что даже враг может стать другом, если дать ему шанс.

Я рассмеялся. Впервые за долгое время — искренне, без тени цинизма. Этот парень, сам того не зная, преподал мне урок. Урок, который я, возможно, когда-нибудь использую. А возможно, и нет.

Когда вердикт «невиновна» был оглашён, Кравцова упала на колени и разрыдалась. Горецкий стоял рядом, и его рука снова коснулась браслета. Только теперь этот жест выглядел не как мольба, а как благодарность.

Я покинул зал суда через боковую дверь, чтобы избежать журналистов. Мне нужно было подумать. Игра подходила к концу, но я знал: Холмогоров и его покровители ещё не уничтожены. Система, которую я презирал, снова показала свою гнилую сущность. Но впервые я почувствовал, что могу что-то изменить. И это чувство было опаснее любого врага. Потому что оно давало надежду. А надежда для волка — это яд.

Глава 11. Смерть свидетеля

Оправдание Кравцовой стало сенсацией. Газеты пестрели заголовками: «Золотой адвокат и его ученик разрушили дело-фантом», «МедФармГрупп под ударом: аресты продолжаются». Я получал поздравления от клиентов, чьи дела давно пылились в архиве, и даже от врагов, которые надеялись, что моя занятость отвлечёт меня от их проблем. Но я не обольщался. Настоящая битва только начиналась.

Через три дня после вердикта мне позвонил Леха. Его голос был мрачнее обычного.

— Аркадий Борисович, Миронов мёртв. Главный бухгалтер. Его нашли сегодня утром в съёмной квартире. Официальная версия — сердечный приступ, но я видел тело. Следы инъекции между пальцами.

Я выругался сквозь зубы. Миронов был нашим ключевым свидетелем не только по делу Кравцовой, но и в расследовании против Холмогорова. Его показания могли потянуть за собой десятки чиновников. Теперь он мёртв, а вместе с ним — надежда на полное разоблачение сети.

— Кто его охранял? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Двое из ФСБ, которых выделил Соболев. Они говорят, что ничего не видели. Но это ложь. Кто-то их купил или запугал.

Я задумался. Соболев был моим союзником, но даже он не контролировал всю систему. В недрах Кремля по-прежнему шла война башен, и я снова оказался меж двух огней. Если за смертью Миронова стояли те же люди, что угрожали моей семье, значит, они не остановятся.

Я немедленно набрал Горецкого. Он был в офисе, разбирал бумаги после закрытия дела. Голос его звучал устало, но довольно — первый выигрыш за долгие годы опьянял его.

— Даниил, срочно приезжайте ко мне. Никому не говорите, куда едете. Проверьте, нет ли хвоста.

— Что случилось? — в его голосе прорезалась тревога.

— Миронов убит. Мы следующие.

Он приехал через сорок минут — бледный, с трясущимися руками, но собранный. Я ввёл его в курс дела, показывая фотографии, которые прислал Леха. Горецкий смотрел на снимок мёртвого бухгалтера, и я видел, как его лицо искажается от ужаса.

— Боже мой... Это я виноват. Я убедил его дать показания. Я обещал ему защиту.

— Не вы виноваты, — резко оборвал я. — Виноваты те, кто убил его. И они будут наказаны. Но сейчас нам нужно позаботиться о собственной безопасности. Вы поедете в Женеву к моей семье. Там вас примут. Я останусь здесь и разберусь с этим.

— Нет, — неожиданно твёрдо сказал он. — Я больше не убегаю. Я адвокат, и у меня есть обязательства перед клиентами. И перед собой. Если я сейчас спрячусь, то уже никогда не смогу войти в зал суда. Я остаюсь.

Я смотрел на него и чувствовал странную смесь раздражения и уважения. Этот человек, который дрожал при виде решёток, отказывался прятаться. Он был глупцом, но глупцом храбрым. И я не мог не признать: возможно, именно такой глупости мне всегда не хватало.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда мы будем действовать вместе. Но запомните: теперь правила игры меняются. Никаких компромиссов. Никакой пощады. Мы идём до конца.

Глава 12. Шах королю

Смерть Миронова всколыхнула общественность. Журналисты требовали расследования, правозащитники кричали о «зачистке свидетелей», а Следственный комитет был вынужден активизироваться. Холмогорову предъявили новые обвинения — на этот раз в организации убийства по предварительному сговору. Ему грозило пожизненное.

Однако я понимал: Холмогоров — лишь пешка. Настоящие кукловоды сидели выше. И чтобы добраться до них, нужно было нанести удар по самому уязвимому месту — по их деньгам.

Я связался с Петровичем и поставил задачу: отследить все финансовые потоки «Мед-ФармГрупп» за последние пять лет. Это была титаническая работа, но у Петровича были алгоритмы, способные анализировать офшорные цепочки быстрее, чем целый департамент Минфина.

Через неделю он прислал отчёт. Схема была сложной, но суть — простой: деньги, украденные на контрабанде лекарств, оседали на счетах подставных компаний в Панаме и на Кипре, а затем возвращались в Россию под видом инвестиций в недвижимость. Конечными бенефициарами оказались не только Холмогоров и Северин, но и несколько высокопоставленных чиновников, чьи фамилии были на слуху у всей страны.

Я отправил копии документов Соболеву с короткой запиской: «Это твой шанс избавиться от конкурентов. Или они избавятся от тебя». Ответ пришёл через час: «Встретимся».

Мы встретились на конспиративной квартире — Соболев, я и Горецкий, которого я настоял пригласить. Чиновник выглядел нервным: он понимал, что разоблачение такой сети может стоить ему карьеры, но и возможность устранить врагов была слишком соблазнительной.

— Что ты предлагаешь? — спросил он, просматривая документы.

— Публичное разбирательство. Но не хаотичное, а управляемое. Ты инициируешь проверку в Минздраве и таможне. Мы через прессу сливаем информацию только на тех, кто тебе мешает. Остальных ты «спасаешь», получая их лояльность. Таким образом, ты становишься главным борцом с коррупцией, а я получаю разгром сети Холмогорова.

Соболев усмехнулся:

— Ты дьявол, Рихтер. Но я согласен.

Через несколько дней грянул новый скандал. В отставку отправили трёх заместителей министров, арестовали ещё нескольких фигурантов. Северин, оставшись без поддержки, пошёл на сделку со следствием и дал показания на Холмогорова, пытаясь спасти себя. Холмогоров, поняв, что проиграл, попытался бежать за границу, но был задержан в аэропорту с поддельным паспортом.

Казалось, война выиграна. Но я знал: у таких людей всегда есть последний козырь.

Глава 13. Последний козырь

Козырем оказалась Алина.

Она возникла из небытия, как змея, которую я считал раздавленной. После нашего разрыва в Вене я думал, что она исчезла навсегда, но она ждала. И теперь, когда моё внимание было приковано к процессу и семье, она нанесла удар.

В мой офис курьер доставил конверт. Внутри лежала фотография Горецкого, сделанная в тот момент, когда он входил в женевское шале, и записка: «Твой новый друг очень доверчив. Не соверши ту же ошибку, что и он».

Я позвонил Даниилу, который всё ещё был в Москве.

— Вы кому-нибудь рассказывали о своей прошлой ошибке? О том деле, из-за которого вы перестали практиковать?

Он замялся.

— Нет. Только вам. И... Алине. Однажды она подошла ко мне после заседания, сказала, что знает о моей травме, и предложила помощь. Я не должен был доверять ей, но она казалась такой искренней...

Я выругался. Алина использовала его, чтобы добраться до меня. Она знала о его уязвимости — чувстве вины, страхе, желании искупить прошлое — и втёрлась в доверие. И теперь она угрожала ему, а через него — мне.

— Что она хочет? — спросил Горецкий, бледнея.

— Меня. Она хочет уничтожить меня. И она будет использовать вас как приманку.

В этот момент мой телефон зазвонил. Номер был скрыт, но я знал, кто это.

— Аркадий Борисович, — раздался знакомый голос с нотками металла. — Давно не слышались. Как ваша семья? Как ваш протеже? Я слышала, он очень талантлив. Жаль, если с ним что-то случится.

— Чего ты хочешь, Алина? — спросил я без эмоций.

— Встречи. Личной. Приходи один, в дом 14 по Большой Ордынке, завтра в полночь. Там ты узнаешь, чего я хочу. И помни: если приведёшь охрану или попытаешься меня обмануть, Горецкий умрёт. Так же, как умер Миронов. И так же, как умрут твои близкие, если ты продолжишь играть в героя.

Она отключилась. Я стоял, сжимая телефон, и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Она угрожала моей семье. Она угрожала человеку, который, сам того не желая, стал моим другом. Этого я не мог простить.

— Даниил, завтра вы улетаете в Женеву. Немедленно. Без возражений.

— Но Аркадий Борисович...

— Никаких «но»! — рявкнул я. — Вы обещали защищать мою семью. Выполняйте. А я разберусь с Алиной. Один.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом кивнул и молча вышел. Я налил коньяк и залпом осушил бокал. Завтрашняя ночь могла стать последней. Но я, Аркадий Рихтер, не собирался умирать. Я собирался победить. Чего бы это ни стоило.

Глава 14. Логово змеи

Дом четырнадцать по Большой Ордынке оказался старым купеческим особняком, давно заброшенным и ожидавшим реставрации. Я пришёл за полчаса до полуночи, чтобы осмотреть местность, но Алина предусмотрела всё: внутренний двор просматривался камерами, а единственный вход был под наблюдением. Я вошёл, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Страх? Нет, адреналин. Волк перед прыжком.

Внутри пахло сыростью и старой штукатуркой. В тусклом свете фонарика я разглядел фигуру, стоящую в центре зала. Алина. Она изменилась: волосы стали короче, лицо — жёстче, в глазах горел холодный огонь одержимости.

— Ты пришёл, — произнесла она. — Я знала, что ты придёшь. Ради него. Ради того жалкого адвокатишки, который считает тебя героем. Как трогательно.

— Что ты хочешь, Алина? — повторил я, не двигаясь.

— Я хочу справедливости, — она криво усмехнулась. — Той самой, о которой ты так любишь рассуждать, но в которую никогда не верил. Ты разрушил мою жизнь. Ты использовал меня, а потом выбросил. Ты думал, что я смирюсь? Нет, Аркадий. Я собрала всё, что на тебя есть: записи, счета, показания свидетелей. И я передам это в суд, если ты не выполнишь мои условия.

— Какие условия?

— Ты отказываешься от всех обвинений против Холмогорова. Подписываешь заявление о том, что показания Миронова были сфальсифицированы тобой. И ты исчезаешь. Уезжаешь из России, оставляешь бизнес, забываешь о карьере. Тогда твоя семья и твой драгоценный Горецкий останутся в живых.

Я слушал и понимал: она не блефует. Она действительно собрала компромат — возможно, с помощью тех же людей, что стояли за Холмогоровым. Но она не учла одного: я никогда не сдаюсь на милость врага.

— Ты забыла, Алина, что я — волк, — произнёс я тихо. — А волки не договариваются с теми, кто угрожает стае.

Я вытащил из кармана диктофон — тот самый, что записывал разговор. Алина рассмеялась.

— Думаешь, это сработает? Твой диктофон бесполезен. Здесь глушилка.

— Я знаю, — ответил я. — Но диктофон — это не запись. Это сигнал.

В ту же секунду окна особняка разбились, и в зал ворвались люди в масках. Леха, вопреки моему приказу, проследил за мной и вызвал подмогу. Алина вскрикнула и попыталась бежать, но была схвачена. Я подошёл к ней и наклонился к самому уху.

— Ты хотела справедливости? Ты её получишь. Но не в суде. Ты получишь её от меня.

Она плюнула мне в лицо, но я даже не поморщился. Я просто развернулся и вышел, оставив её в руках спецназа. В ту ночь я понял: иногда справедливость — это не закон. Это возмездие. И я, Аркадий Рихтер, стал его орудием.

Глава 15. Эпилог одной войны

Через неделю после ареста Алины дело «МедФармГрупп» было официально закрыто. Холмогорова осудили на пожизненное, Северин получил пятнадцать лет, а ещё десятки чиновников лишились постов. Кравцова, получив компенсацию, уехала к родственникам в Сибирь. Горецкий, несмотря на пережитое, открыл собственную адвокатскую практику — небольшую, но честную. Он больше не боялся судов. Его страх ушёл вместе с чувством вины.

Я стоял на балконе своего особняка и смотрел на заснеженный лес. Елена спала в доме, Алиса готовилась к родам, её муж, наконец, получил разрешение на въезд. Моя семья была в безопасности.

Телефон завибрировал. Звонил Петрович.

— Аркадий Борисович, есть новая информация. Алина перед арестом отправила пакет какому-то человеку в Берлине. Адресат неизвестен, но у него доступ к серьёзным архивам. Я перехватил переписку: он называет себя Смотрящим.

Я нахмурился. Смотрящий... ещё одна тень, ещё один кукловод. Война окончена, но мир не наступил. Враги не исчезают — они просто меняют лица.

— Продолжай наблюдение, — приказал я. — И готовь новые паспорта для семьи. Возможно, они скоро понадобятся.

Я отключился и вдохнул холодный воздух. Справедливость обострена, как лезвие. И тот, кто держит его, рискует порезаться сам. Я выжил в этой схватке, но впереди были новые битвы. И я, Аркадий Рихтер, был готов к ним. Потому что волк не уходит на покой. Волк продолжает охоту.

Глава 16. Смотрящий

После ареста Алины и разгрома сети Холмогорова я надеялся на передышку. Напрасно. Война, которую я считал законченной, лишь перешла в новую фазу. Из Берлина пришло сообщение от неизвестного абонента, и Петрович, взломав цепочку прокси-серверов, обнаружил адресата — человека, называвшего себя Смотрящим. Это имя ничего мне не говорило, но его действия говорили о многом: он знал о моих офшорах, о деле Драгана, о связях с Кремлём. Он знал обо мне всё.

Я сидел в своём кабинете, просматривая распечатки, когда вошёл Горецкий. Он выглядел лучше, чем месяц назад: исчезли мешки под глазами, спина выпрямилась, и даже пиджак сидел как влитой — видимо, первый крупный гонорар позволил обновить гардероб. Но его пальцы всё ещё теребили пуговицу, а левое запястье по-прежнему обхватывал кожаный браслет.

— Аркадий Борисович, у меня новое дело, — начал он, кладя на стол папку. — Врач-онколог из областной больницы. Его обвиняют в смерти пациента из-за халатности. Якобы он назначил неправильное лечение. Ему грозит до пяти лет.

Я лениво пролистал бумаги. Дело выглядело стандартным: экспертиза, показания коллег, жалоба родственников. Но было в нём что-то, что сразу насторожило.

— Вы уверены, что он невиновен? — спросил я, не поднимая глаз.

Горецкий замаялся.

— Он... он сказал, что да. Но когда я изучал историю болезни, то заметил странности. Дозировка препарата была превышена. Пациент был пожилым, с ослабленным организмом. Врач должен был это учесть.

— Иными словами, — я отложил папку, — ваш клиент, скорее всего, виновен.

В комнате повисла тишина. Горецкий смотрел в пол, его кадык дёргался.

— Я думал... я думал, что смогу ему помочь. Что если я выиграю это дело, то докажу себе, что та ошибка, из-за которой погиб мой клиент, больше не повторится. Что я стал лучше.

— Стать лучше, защищая виновного? — я усмехнулся. — Даниил, вы путаете профессию с искуплением. Адвокат не священник. Мы не отпускаем грехи, мы их переупаковываем. Если врач виновен, наша задача — не сделать его святым, а добиться справедливого приговора. Справедливого — не значит оправдательного.

— Но как же презумпция невиновности? — в его голосе прозвучала почти детская обида.

— Презумпция — это процессуальный инструмент, а не моральный компас. Запомните это.

Он кивнул, но я видел: внутри него борются ангел и дьявол. Дьявол, которого я сам в него вложил, и ангел, который когда-то привёл его в профессию. Я знал, чем кончается такая борьба. Однажды ангел проиграет — или уничтожит Горецкого изнутри.

— Ладно, — сказал я, смягчаясь, — давайте разберём дело вместе. Но предупреждаю: мы будем защищать его по закону, а не по совести. Совесть оставьте для воскресных проповедей.

Он благодарно улыбнулся и сел за стол. Мы работали до глубокой ночи, разбирая медицинские термины и прецеденты. А в это время где-то в Берлине Смотрящий готовил свой следующий ход.

Глава 17. Врачебная этика

Судебное заседание по делу онколога Кузнецова проходило в районном суде, где пахло хлоркой и безысходностью. Горецкий нервничал, но держался — за последние недели он провёл уже несколько процессов, и страх перед залом суда почти исчез. Почти.

Прокурор, немолодой мужчина с фамилией Звягинцев, начал с обвинительной речи, полной пафоса и статистики. Затем вызвали первого свидетеля — заведующего отделением, где работал Кузнецов.

— Вы подтверждаете, что доктор Кузнецов нарушил протокол лечения? — спросил Звягинцев.

— Да, — свидетель кивнул. — Он назначил дозу, превышающую рекомендованную в три раза. Это привело к токсическому шоку и смерти пациента.

Горецкий встал для перекрёстного допроса. Я сидел на скамье за его спиной, готовый подсказать, но он справлялся сам.

— Скажите, — начал он, — вы присутствовали при назначении лечения?

— Нет, но я видел записи в карте.

— Записи, — Горецкий подошёл ближе. — А вам известно, что доктор Кузнецов в тот день консультировался с федеральным центром онкологии по поводу данного пациента? И что рекомендация превысить дозу была дана именно оттуда?

Свидетель замялся.

— Я... я не знал об этом.

— Не знали или не хотели знать? — Горецкий повысил голос. — Может быть, вам было удобно свалить всю вину на моего подзащитного, чтобы скрыть системные проблемы в вашем отделении? Отсутствие нужных препаратов, устаревшее оборудование, перегрузка врачей?

— Протестую! — вскочил прокурор. — Защита задаёт вопросы, не имеющие отношения к делу!

— Протест отклонён, — судья поправила очки. — Свидетель, ответьте.

Заведующий покраснел и начал путаться в показаниях. Горецкий методично разбивал его аргументы, пока тот не признал, что больница действительно испытывала дефицит лекарств, и Кузнецов был вынужден импровизировать в экстренной ситуации. Я смотрел и вспоминал себя в начале карьеры — ту же смесь азарта и страха, ту же готовность идти до конца. Только у Горецкого было то, чего у меня никогда не водилось: он верил в то, что делал.

После заседания, когда мы вышли в коридор, Горецкий вдруг остановился и прижал руку к груди.

— Мне показалось... я снова почувствовал тот же страх. Как тогда. Но я справился.

— Справились, — подтвердил я. — Однако не расслабляйтесь. Прокурор вызовет других свидетелей. И главный из них — дочь покойного. Она будет давить на эмоции. Вот где вам понадобится выдержка.

— Я готов, — ответил он, и на этот раз я ему поверил.

Вечером я вернулся в офис, где меня ждало сообщение от Петровича. Смотрящий переместился в Москву. Его след вёл к человеку, которого я знал много лет назад. К тому, кого давно считал мёртвым. К моему отцу.

Глава 18. Отцовские тени

Мой отец. Человек, которого я помнил только по смутным обрывкам: запах перегара, грохот опрокинутого стула, мамины всхлипывания за стеной. Он ушёл, когда мне было три, и с тех пор я ни разу не пытался его найти. Он был для меня призраком, символом всего того дерьма, из которого я выбрался. И теперь этот призрак вернулся.

Петрович прислал досье: Виктор Рихтер, бывший следователь прокуратуры, уволенный в девяностых за фальсификацию доказательств. После увольнения сменил фамилию, связался с

криминалом, потом исчез. И вот теперь объявился в Берлине под псевдонимом «Смотрящий». Это он собирал компромат. Это он стоял за спиной Алины и, возможно, даже Шелеста.

Я сидел в тёмном кабинете и крутил в руках старую фотографию — единственную, где мы были вместе: отец в милицмейской форме, мама с вымученной улыбкой и я, крошечный, на руках. Неужели этот человек, бросивший нас, теперь пытается меня уничтожить? За что? За то, что я стал успешным? За то, что не повторил его судьбу?

На следующий день я поделился новостью с Горецким. Он слушал молча, и я видел, как его пальцы сжимаются в кулаки.

— Ваш отец — Смотрящий? — переспросил он. — Но зачем ему это?

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Возможно, он затаил обиду. Возможно, кто-то ему платит. А возможно, он просто маньяк, возомнивший себя вершителем судеб. Так или иначе, он опасен.

— Что вы собираетесь делать?

— Найти его первым. Поговорить. А если не получится — уничтожить. Как любого другого врага.

Горецкий вздрогнул от моих слов. Его вера в мою моральную непогрешимость явно дала трещину.

— Аркадий Борисович, это ваш отец... Может быть, он раскаивается? Может, он хочет примирения, а вы сразу — «уничтожить»?

— Даниил, — я посмотрел на него в упор, — вы хороший человек. Слишком хороший для этой профессии. Но запомните: не все заслуживают прощения. Иногда милосердие — это просто отсрочка удара. Мой отец сделал свой выбор тридцать лет назад. И если теперь он встал у меня на пути, он ответит за всё.

Горецкий опустил глаза и ничего не сказал. Его браслет тускло блеснул под светом лампы, и я вдруг подумал: а что, если он прав? Что, если старик действительно хочет просто поговорить? Я отогнал эту мысль. Сентиментальность — удел овец. Волк не имеет права на слабость.

Тем временем расследование Петровича принесло новые плоды. Смотрящий арендовал квартиру на окраине Москвы и встречался с людьми, связанными с бывшим руководством «МедФармГрупп». Похоже, он собирал остатки разгромленной сети, чтобы нанести последний удар. Медлить было нельзя.

Глава 19. Концерт для скрипки и пистолета

Я решил нанести визит Смотрящему без предупреждения. Но прежде чем ехать, заглянул к Горецкому домой. Он жил в скромной квартире на Юго-Западе, заставленной книжными шкафами и пахнущей канифолью. В углу комнаты, на специальной подставке, лежала скрипка — та самая, на которой он играл долгими бессонными ночами.

— Вы играете? — спросил я, разглядывая инструмент.

— Иногда, — смутился он. — Когда нужно успокоиться. Это... это помогает думать.

— Сыграйте что-нибудь.

Он удивлённо посмотрел на меня, но взял скрипку, поправил смычок и заиграл. Мелодия была грустной, но светлой — что-то из Баха, кажется. Я слушал и чувствовал, как напряжение последних дней понемногу отпускает. Этот человек, нервный, дёрганный, вечно сомневающийся, обладал даром, которого у меня никогда не было: он мог создавать красоту. А я — только разрушать.

Когда он закончил, я неожиданно для себя сказал:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что напомнили мне, что в мире есть не только суды, деньги и враги.

Он улыбнулся — впервые за долгое время без тени тревоги. И в этот момент я понял, что Горецкий перестал быть просто коллегой. Он стал чем-то вроде друга — странного, неудобного, но друга.

На следующий вечер я выехал по адресу, который дал Петрович. Леха, как всегда, сопровождал меня, но перед подъездом я велел ему ждать.

— Если через пятнадцать минут я не выйду, вызывай подкрепление.

— Аркадий Борисович, это опасно.

— Я знаю.

Я поднялся на третий этаж и позвонил. Дверь открылась почти сразу, будто меня ждали. На пороге стоял пожилой мужчина с седыми волосами и глазами, в которых я узнал собственное отражение. Виктор Рихтер. Мой отец.

— Здравствуй, Аркадий, — произнёс он хрипло. — Проходи. Нам нужно поговорить.

Я вошёл, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Внутри всё кричало: это ловушка, беги. Но любопытство пересилило. Я должен был узнать, зачем он вернулся.

Квартира была обставлена скудно, но чисто. На столе — открытая бутылка водки и два стакана. Мы сели друг напротив друга.

— Зачем ты здесь? — спросил я без предисловий.

— Чтобы предупредить тебя, — ответил он, наливая водку. — Ты в опасности, сын. Те, кто стоял за Холмогоровым, не простили тебе его падения. Они заказали тебя. Моя задача — передать тебе информацию и предложить сделку.

— Сделку? — я горько усмехнулся. — Ты бросил нас с матерью, а теперь предлагаешь сделку?

— Я был плохим отцом, — признал он. — Но я не желаю тебе зла. Я работал на этих людей много лет, собирал досье. Когда они узнали, что ты — мой сын, они использовали меня. Но я хочу выйти из игры. Помоги мне исчезнуть, и я отдам тебе все архивы. Тогда ты сможешь их уничтожить.

Я смотрел на него и пытался понять: он искренен или играет? Его лицо было измождённым, руки дрожали, и в глазах стоял страх — настоящий, животный страх. Похоже, он действительно был загнан в угол.

— Допустим, я поверю тебе, — медленно произнёс я. — Кто заказчики?

— Северин, которого ты посадил, был только ширмой. Настоящий главарь — человек из Администрации Президента. Его фамилия... — он осёкся и побледнел. — О боже...

Я обернулся и увидел, как в окне мелькнула красная точка лазерного прицела. Инстинкты сработали быстрее разума: я бросился на пол, увлекая отца за собой. Пуля разбила стекло и впиалась в стену там, где секунду назад была его голова.

— Леха, снайпер! — крикнул я в рацию. — Задержи его!

С улицы донеслись выстрелы, крики, визг шин. Мы лежали на полу, тяжело дыша. Отец смотрел на меня с ужасом и благодарностью одновременно.

— Ты спас меня, — прошептал он.

— Я спасал информацию, — отрезал я, хотя внутри что-то дрогнуло. — А теперь рассказывай. Всё. Иначе следующая пуля будет точнее.

Глава 20. Последний патрон

Снайпера задержать не удалось. Леха с бойцами прочесали район, но стрелок растворился в лабиринтах московских дворов. Зато мы взяли его винтовку, брошенную в панике, и по серийному номеру Петрович выяснил, что она принадлежала расформированному спецподразделению МВД. След вёл к людям, близким к бывшему замминистра Северину. Круг сужался.

Отец, оглушённый пережитым, согласился сотрудничать. Он передал мне флешку с архивами — ту самую, которую собирал годами. На ней были записи разговоров, фотографии, финансовые документы, компрометирующие не только Северина и Холмогорова, но и нескольких высокопоставленных чиновников. Среди фамилий мелькала одна, которую я никак не ожидал увидеть: Соболев.

Соболев. Мой союзник, мой покровитель в Кремле. Тот самый, с кем мы пили коньяк и обсуждали будущее страны. Он тоже был в доле. Он знал о контрабанде лекарств. Знал о заказных убийствах. И молчал.

Я сидел в кабинете и перебирал бумаги, чувствуя, как внутри рушится последний бастион цинизма. Я привык, что мир грязен. Привык, что правосудие продаётся, а дружба покупается. Но предательство Соболева стало ударом, которого я не ожидал. Не потому, что он был честным. А потому, что я считал его своим.

В этот момент вошёл Горецкий. Он был взволнован — процесс по делу врача подходил к концу, и завтра должны были огласить приговор.

— Аркадий Борисович, я хочу попросить вас присутствовать в суде. Мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Кто-то, кому я доверяю.

Я поднял на него глаза.

— Вы доверяете мне? После всего, что видели?

— Вы спасли мою жизнь. Вы научили меня бороться. Каким бы вы ни были циником, я верю, что внутри вы — хороший человек. Просто очень хорошо это скрываете.

Я усмехнулся. Если бы он знал, что я сейчас думаю о Соболеве. Если бы знал, что я планирую сделать с теми, кто угрожал моей семье. Но вместо этого я сказал:

— Хорошо. Я приду. А теперь идите спать. Завтра важный день.

Он ушёл, а я остался. За окном занимался рассвет, и я думал о том, что завтрашний день может стать последним для многих. Война подходила к развязке. Справедливость, острая как бритва, уже была занесена над головой. Оставалось только понять, кто первым нанесёт удар. Я или они.

Глава 21. Приговор

Зал суда был переполнен. Я сидел в первом ряду, наблюдая, как Горецкий произносит последнее слово защиты. Он говорил о врачебном долге, о несовершенстве системы, о том, что его подзащитный — не преступник, а жертва обстоятельств. Его голос звучал твёрдо, и я впервые не слышал в нём страха.

Прокурор Звягинцев, напротив, выглядел растерянным. После того как мы представили доказательства системных нарушений в больнице, его обвинение рассыпалось на глазах. Присяжные совещались недолго. Вердикт: невиновен.

Кузнецов плакал, обнимая Горецкого. Журналисты щёлкали фотоаппаратами. А я смотрел на своего протеже и думал: он справился. Он не просто выиграл дело — он победил свой страх. И это, пожалуй, стоило больше, чем любые гонорары.

После заседания мы ехали в машине, и Горецкий вдруг сказал:

— Я решил. Я больше не буду брать сомнительные дела. Если я чувствую, что клиент виновен, я отказываюсь. Даже если это стоит мне денег. Я хочу спать спокойно.

Я хотел возразить, сказать, что адвокат не судья, что наша работа — защищать, а не осуждать. Но промолчал. Потому что понял: он прав. Не для всех. Но для себя — прав.

— Делайте, как знаете, — ответил я. — Но помните: если вам понадобится помощь, звоните. Лучше звонить Рихтеру. Сработает безотказно.

Он улыбнулся. И в этой улыбке было больше силы, чем во всех моих циничных афоризмах.

Глава 22. Последняя встреча

Вечером я отправился к Соболеву. Один, без охраны, без диктофонов. Я знал, что рискую. Но я должен был увидеть его лицо, когда он поймёт, что я всё знаю.

Он принял меня в своём кабинете, как обычно — с распростёртыми объятиями и коньяком.

— Аркадий, рад тебя видеть! Как семья? Как дела?

— Дела отлично, — ответил я, усаживаясь в кресло. — Настолько отлично, что я узнал много интересного. Например, о твоей роли в схеме Холмогорова.

Его лицо застыло. Улыбка исчезла, как стёртая ластиком.

— О чём ты? — его голос стал глухим.

— О том, что ты крышевал контрабанду лекарств. О том, что знал об убийстве Кравцова и Миронова. О том, что заказал меня своему снайперу. Не отпирайся, у меня есть все доказательства.

Он долго молчал. Потом откинулся в кресле и холодно произнёс:

— Чего ты хочешь?

— Справедливости, — сказал я, и слово это прозвучало как никогда серьёзно. — Ты уйдёшь в отставку. Сегодня же. И уедешь из страны. Если ты когда-нибудь вернёшься или попытаешься мстить, твоё досье уйдёт в прессу. Ты станешь изгоем. Но ты останешься жив. Это моё последнее предложение.

Он смотрел на меня с ненавистью и ужасом.

— А если я откажусь?

— Тогда я позвоню журналистам прямо сейчас. И через час вся страна узнает, кто на самом деле стоит за смертью тысяч пациентов. Выбирай.

Соболев побледнел, потом встал и подошёл к окну. Минуту он стоял, глядя на вечерний Кремль, потом тихо произнёс:

— Хорошо. Я согласен.

Я покинул кабинет, чувствуя странную смесь торжества и пустоты. Я победил. Но победа не принесла радости. Только усталость. И понимание, что эта война — не последняя. Система, которую я презирал, рано или поздно попытается взять реванш. И тогда мне снова придётся встать на защиту. Себя, своей семьи, тех немногих, кто мне дорог.

Но это будет завтра. А сегодня я просто сел в машину и поехал домой. К Елене. К Алисе. К тишине и покою, который заслужил.

Глава 23. Женевский покой

Женева встретила меня запахом альпийских трав и тишиной, которая казалась почти неестественной после московской какофонии. Я прилетел один, оставив дела на Горецкого и Леху. Мне нужно было увидеть семью. Нужно было вспомнить, ради чего я вообще веду эту бесконечную войну.

Елена, увидев меня на пороге шале, сначала замерла, потом бросилась в объятия. Её живот уже заметно округлился, и она светилась тем мягким светом, который бывает только у беременных женщин. Алиса стояла рядом и улыбалась — повзрослевшая, серьёзная, с какой-то новой мудростью во взгляде.

— Папа, ты всё-таки выбрался, — сказала она, обнимая меня крепко-крепко. — Мы думали, ты опять пришлешь Даниила.

— Даниил теперь сам ведёт дела, — ответил я, улыбаясь. — Он больше не нуждается в няньке.

Мы провели вечер у камина, пили горячий шоколад и говорили о пустяках — о погоде, о будущем ребёнке, о том, куда Алиса хочет поступать после родов. Я смотрел на них и чув-

ствовал, как отпускает хватка вечного напряжения. Впервые за долгие месяцы я не думал о врагах, о процессах, о деньгах. Я просто был мужем и отцом. И это было самое лучшее чувство, которое может испытать человек.

Но ночью, когда все уснули, я вышел на балкон и закурил. Вдалеке, над тёмной гладью озера, мигали огни какого-то катера. И где-то там, в тени, прятался Смотрящий. Мой отец. Человек, который бросил меня, а теперь утверждал, что хочет помочь. Я не верил ему до конца. Но что-то в его словах засело занозой. Что, если он действительно раскаивается? Что, если у него есть шанс на искупление?

Я затушил сигарету и вернулся в дом. Завтра я должен был вернуться в Москву. Но сегодня я принадлежал только семье. И это было моей маленькой победой над самим собой.

Утром, прощаясь, я обнял Елену особенно крепко.

— Потерпи ещё немного, — прошептал я. — Скоро всё закончится. Я обещаю.

— Ты каждый раз обещаешь, — улыбнулась она. — Но я верю. Возвращайся быстрее.

Алиса сунула мне в карман маленький амулет — серебряного волка на цепочке.

— Это на удачу. Ты же у нас волк, папа. Будь осторожен.

Я поцеловал её в лоб и уехал. В самолёте я думал о том, что в моей жизни есть вещи, которые невозможно купить. И одна из них — любовь. Но ещё есть справедливость. И её, как ни странно, иногда можно вершить без денег. Просто потому, что так правильно.

Глава 24. Новое дело Горецкого

Вернувшись в Москву, я сразу попал в водоворот событий. Горецкий ждал меня в офисе с новой папкой и выражением лица, которое я у него ещё не видел: смесь азарта и священного гнева.

— Аркадий Борисович, это дело... оно особенное. Я не могу от него отказаться.

Я взял папку. На обложке значилось: «Иван Сотников, 15 лет. Обвиняется в краже со взломом». Ниже — фотография худого мальчишки с испуганными глазами.

— Подросток, — я пролистал бумаги. — Обвиняется в том, что проник в квартиру бизнесмена Грачёва и украл ноутбук с документами. Ущерб оценён в миллион рублей. Ему грозит до шести лет воспитательной колонии. И что здесь особенного?

— Мальчик из неблагополучной семьи, — горячо заговорил Горецкий. — Мать пьёт, отец в тюрьме. Он не вор, он просто взял ноутбук, чтобы продать и купить еды младшей сестре. Но главное не это. Главное, что на украденном ноутбуке были документы, из которых следует, что бизнесмен Грачёв связан с той самой сетью по контрабанде лекарств. Той, что мы разгромили. Это остатки паутины. И мальчик — случайный свидетель.

Я нахмурился. Совпадение или провокация?

— Вы уверены, что это не ловушка?

— Даже если ловушка, я должен его защищать, — твёрдо ответил Горецкий. — Ему пятнадцать. У него нет никого. Я помню, каково это — быть одиноким и напуганным.

Я посмотрел на Даниила и впервые увидел перед собой не того запуганного невротика, что пришёл ко мне год назад. Это был настоящий адвокат. С принципами. С сердцем. Возможно, лучший из тех, кого я встречал.

— Хорошо, — сказал я. — Берите дело. Но я подключусь. Если там действительно замешаны остатки сети, это может быть опасно.

— Спасибо, Аркадий Борисович.

Он ушёл, а я задумался. Остатки паутины Холмогорова, подросток-вор, бизнесмен Грачёв... Всё это напоминало начало какой-то сложной партии, где пешки расставлены так, что я не вижу ферзя. И это мне не нравилось.

Глава 25. Суд над Иваном

Заседание по делу Сотникова проходило в ювенальном суде — особом учреждении, где даже стены были выкрашены не в казённый серый, а в пастельный голубой, чтобы не травмировать детскую психику. Но суть оставалась той же: за столом сидел прокурор, на скамье — подсудимый, а за решёткой, пусть и замаскированной под декоративную перегородку, маячила судьба пятнадцатилетнего пацана.

Иван был щуплым, с цыплячьей шеей и глазами, которые метались от страха к надежде и обратно. Его мать сидела в зале, нетрезвая и безучастная, и это зрелище, кажется, угнетало мальчика больше, чем сам процесс.

Горецкий встал для вступительного слова. Он говорил недолго, но каждое его слово било в цель.

— Уважаемый суд, перед вами не преступник. Перед вами — ребёнок, который совершил ошибку. Но разве можно судить его со всей строгостью закона, если общество само бросило его на произвол судьбы? У него не было еды, не было родителей, которые могли бы помочь. Он взял чужое — это правда. Но он сделал это, чтобы прокормить сестру. И он раскаивается.

Прокурор — молодая женщина с фамилией Ярцева — возражала:

— Закон един для всех, независимо от возраста и обстоятельств. Кража есть кража. А смягчающие обстоятельства могут лишь уменьшить наказание, но не отменить его.

Горецкий вызвал свидетеля — учительницу мальчика, которая рассказала, что Иван всегда был тихим и старательным, но голод и нужда толкнули его на отчаянный шаг. Затем — соседку, подтвердившую, что мальчик действительно заботился о младшей сестре. И наконец, самого Ивана.

— Ты понимаешь, что поступил плохо? — спросил Горецкий мягко.

— Да... — голос мальчика дрожал. — Я не хотел... Я просто думал продать ноутбук, купить хлеба и молока. Я не знал, что там важные документы. Я даже не открывал его.

— Ты сожалеешь?

— Очень.

После перекрёстного допроса прокурора, который пытался выставить мальчика закоренелым воришкой, ссылаясь на его прежние приводы (все — за бродяжничество, а не за кражи), Горецкий произнёс последнее слово.

— Ваша честь, я прошу вас о снисхождении. Не ради меня, не ради его матери. Ради справедливости. Ведь справедливость — это не только наказание, но и милосердие.

Судья, пожилая женщина с добрыми глазами, удалилась для вынесения решения. Я сидел в заднем ряду, и внутри меня что-то переворачивалось. Я вспомнил себя в Вязниках. Голодного, злого, готового на всё ради копейки. Если бы меня тогда поймали на краже, кто бы за меня заступился? Никто. Может, именно поэтому я стал тем, кем стал. А Горецкий — он стал тем, кого самому мне не хватило.

Судья вернулась. Приговор: условный срок с испытательным периодом и передача под опеку социальной службы. Иван разрыдался, обнимая адвоката. Горецкий гладил его по голове, и я видел, как по его щеке скатилась слеза. Вот оно, искупление. Не то, о котором кричат в суде. А тихое, настоящее.

Глава 26. Бизнесмен Грачёв

Через два дня после процесса над Иваном я решил навестить бизнесмена Грачёва. Не в качестве адвоката — в качестве частного лица, которое имеет вопросы. Его офис располагался в деловом центре «Москва-Сити», и охрана там была соответствующая. Но я умел проходить сквозь стены.

Грачёв оказался холёным мужчиной лет пятидесяти, с лощёной улыбкой и холодными глазами, которые ничего не выражали. Он принял меня в своём кабинете, заставленном дорогой техникой и грамотами за благотворительность.

— Аркадий Борисович, рад знакомству. Чем обязан?

Я без приглашения сел в кресло и закинул ногу на ногу.

— Господин Грачёв, меня интересует ваш украденный ноутбук. Точнее, документы, которые на нём хранились.

Улыбка на его лице чуть дрогнула.

— Коммерческая тайна. Ноутбук, к счастью, вернули, мальчика поймали. Дело закрыто.

— Не совсем, — я достал из портфеля копии документов, которые Петрович успел снять с того самого ноутбука. — Вот, например, переписка с фирмой, зарегистрированной на Кипре, которая связана с бывшим руководством «МедФармГрупп». Или вот этот контракт на поставку медикаментов, подписанный за неделю до ареста Холмогорова. Вы продолжаете их дело?

Лицо Грачёва побледнело, но он быстро взял себя в руки.

— Не понимаю, о чём вы. Я законопослушный бизнесмен.

— Конечно, — я кивнул. — Просто предупреждаю: если с головы Ивана Сотникова или его семьи упадёт хоть волос, я обрушу на вас всё, что у меня есть. А у меня есть много.

— Это угроза?

— Это дружеский совет. Лучше заводить друзей, а не врагов. Вы же помните эту поговорку?

Я встал и, не прощаясь, вышел. В лифте я набрал Петровича.

— Установи прослушку в офисе Грачёва. И отследить все его контакты за последние полгода. Он явно что-то замышляет.

Вечером Петрович прислал отчёт. Грачёв действительно был связан с остатками сети Холмогорова. Более того, он финансировал какого-то таинственного человека, который готовил «большой передел» на фармацевтическом рынке. Этим человеком был мой отец. Виктор Рихтер. Смотрящий.

Глава 27. Сделка с дьяволом

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.